

ДЖОН РЁСКИН

Теория красоты

ПАЛЬМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 7.01
ББК 85.1
Р43

JOHN RUSKIN
Study of Leaves
1869

Перевела с английского О. М. Соловьёва

Рёскин Дж.

Р43 Теория красоты / Джон Рёскин ; [пер. с англ. О. М. Соловьёвой]. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2021. — 285 с. — (Серия «Пальмира — искусство»).

ISBN 978-5-517-03528-8

В книге «Теория красоты» прославленный искусствовед рассуждает о взаимосвязи искусства и нравственности, искусства и религии, искусства и природы. Этот знаменитый труд Дж. Рёскина для тех, кто ценит искусство и ищет удовольствия от соприкосновения с мыслью вне общепринятых правил.

УДК 7.01
ББК 85.1

ISBN 978-5-517-03528-8

© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2021

«Даже после смерти он продолжает светить нам, как те погасшие звезды, чей свет все еще доходит до нас», и «именно его глазами, навеки закрывшимися в глубине могилы, еще не родившиеся поколения увидят природу».

Марсель Пруст

Искусство и нравственность

ВКУС И НРАВСТВЕННОСТЬ. Хороший вкус есть нравственное качество. Ни одно из высказанных мною мнений не было так горячо и часто опровергаемо, как это. Нет, говорят мои противники, одно дело — вкус, другое — нравственность. Скажите нам, что красиво, мы вас выслушаем с удовольствием, но мы не нуждаемся в проповедях, даже если вы и способны проповедовать, что еще подлежит сомнению.

Позвольте мне подкрепить несколько мой старый догмат. Вкус не только часть или признак нравственного достоинства, это *единственная нравственность*. «Что ты любишь?» Вот первый и последний решающий вопрос, на который приходится отвечать всякому живому

существу. Вовсе не безразлично и не произвольно мы любим одно и не любим другое; в этом заключается коренная функция всего нашего существа; сущность нашей природы определяется и выражается нашими вкусами. Развивать вкус у ребенка – то же, что формировать его характер.

Девушка может петь о своей утраченной любви, но скряга не может петь о потерянных деньгах. С неуклонной точностью достоинство произведения искусства определяется нравственной чистотой и высотой выражаемого им настроения. Это можно тотчас проверить на деле. Спросите себя относительно любого чувства, сильно овладевшего вами: может ли оно быть воспето поэтом, вдохновить его в положительном, истинном смысле? Если да, то это благородное чувство. Если же оно воспето быть не может или может быть воспето только в ироничном смысле, значит это низкое чувство. То же происходит во всех областях искусства. Таким образом, с математической точностью, не допускающей никаких уклонений и никаких исключений, *искусство страны, какое бы оно ни было, служит критерием ее нравственного со-*

стояния. Только критерием и возвышающим элементом; не причиной и не корнем. Вы не можете допеться и дописаться до того, чтобы сделаться хорошими людьми; вы должны быть хорошими людьми прежде, чем начнете петь и писать, и тогда звуки и краски дополняют все лучшее, что в вас есть.

ХВАЛА ТВОРЕНИЮ. Искусство — это выражение разумного и дисциплинированного наслаждения, доставляемого человеку формами и законами той вселенной, которой он составляет частицу.

Во всех первоначальных определениях очень широких понятий всегда бывают некоторая неясность и недостаток точности; попытки сделать их точнее ведут к еще большей запутанности.

Конечно, я могу выразить приятелю свое разумное и дисциплинированное удовольствие при виде, например, пейзажа и не быть при этом художником. Однако искусство, несомненно, заключается в умении выразить это самое удовольствие; оно вызывается не только присутствием реального предмета, но иногда лишь сознанием существующего закона; при внимательном рас-

смотрении оно всегда имеет источником не отдельное существование твари, а все творение, в которое тварь входит как часть.

Резвящийся козленок радуется только собственной жизни — он не художник; но пастух этого козленка, вырезая из бревна фестоны для дверей своего дома, тем самым выражает, хотя и бессознательно, свое одобрение законам времени, меры и порядка, по которым движется Земля и Солнце светит с неба.

Поскольку искусство даже у животных управляется и дисциплинируется разумом, оно приближается к искусству человеческому, но не может с ним равняться, так как никогда, насколько мне известно, не выражает даже бессознательного благоговения перед всемирными законами. Действительно, песня соловья имеет прекрасный ритм, но в такой же степени можно найти его и в журчании ручья; птица и ручей одинаково не сознают управляющего ими закона. Соловей, правда, чувствует любовь и радость, а вода в ручье — ни того ни другого; но благодаря Богу любовь и радость не искусство и не ограничиваются человечеством. Любовная песня только тогда становится художественным произведением, когда прелесть ее ритма пройдет через разум